

ВОКЗАЛ БЕЗ РАСПИСАНИЯ

ОЛЕГ ПЕТ



18+

Олег Пет

Вокзал без расписания

<https://litres.ru/74145634>

SelfPub; 2026

Аннотация

Берлинский вокзал никогда не закрывается, но на его расписании нет поезда домой. Андрей, бывший архитектор из Мариуполя, потерявший жену и дочь, живёт в музее, охраняя пыльные знамёна прошлого. Лена, дочь российского генерала, бежит от чужой вины, оставляя шрамы на запястьях и в душе. Они встречаются в баре «У Розы», где собираются все, кому некуда возвращаться. Их любовь – как дождь: он идёт, когда его не ждут, и кончается, когда уже кажется, что не кончится никогда. «Вокзал без расписания» – роман о том, что дом – это не стены, а те, кого ты помнишь, и что даже после войны можно научиться жить с дождём.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Олег Пет

Вокзал без расписания

Глава 1

РОМАН

Эпиграф

«Мы не знаем, когда закончится дождь.
Но мы знаем, что он всегда кончается.
Вопрос только в том, научились ли мы ждать».

— из записной книжки неизвестного солдата, 1945

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. «НИЧЕЙНЫЙ ЧАС»

Глава 1. Берлин, 6:47 утра, ноябрь

Ноябрь в Берлине – это не месяц, это состояние. Небо ви-

сит низко, серое, как старая простыня, которую никто не стирал. Солнце не пробивается – оно просто сдаётся, оставляя город во власти влажного полумрака, который длится с утра до вечера и обратно. Дождь здесь не льёт – он сеется, как сквозь сито, мелкий, колючий, пронизывающий до костей. Он не стучит по крышам – он просто висит в воздухе, превращая улицы в акварельный размыв, где очертания домов, фонарей и людей теряют чёткость, смешиваются в одно серое пятно. Ветер – другой персонаж. Он не свистит, не завывает – он просто дует, ровно и настойчиво, как человек, который выполняет свою работу, не обращая внимания на тех, кто мёрзнет под его дыханием.

Запах ноября в Берлине – это смесь мокрого асфальта, выхлопных газов, прелых листьев и холодного металла рельсов. Железнодорожные пути, которые проходят прямо за окном комнатухи Андрея, блестят, как змеи, покрытые слизью. Рельсы уходят в туман, и кажется, что они ведут в никуда – в тот самый серый горизонт, где небо сливается с землёй. Гудки поездов звучат приглушённо, словно доносятся из другого мира. Каждое утро один и тот же гудок – низкий, протяжный, как долгий стон. Андрей знает его наизусть. Он вплетён в его сны, в его пробуждения, в его тишину.

Комнатушка Андрея – это не место для жизни. Это клетка, в которую он сам себя запер. Голые стены покрыты пят-

нами сырости, которые расползаются, как карта неизвестной страны. Матрас на полу – единственное место, где он может лечь, и он чувствует каждую пружину, впивающуюся в спину. Чемодан вместо стола – на нём кружка с остывшим чаем, пачка дешёвых сигарет, которую он почти не курит, и фотография, повёрнутая лицом вниз. Он не смотрит на неё. Он боится смотреть.

Дождь за окном усиливается – он начинает стучать по железному козырьку, и этот звук отдаётся в голове, как барабанная дробь. Андрей лежит неподвижно, глядя в потолок, где трещины складываются в карту незнакомой страны – возможно, той, что осталась там, за горизонтом, где прямо сейчас идёт война. Он чувствует, как влажность просачивается сквозь стены, как она оседает на его коже, как она смешивается с запахом его собственного тела – запахом бессонницы и усталости.

Внутренний голос: «Шесть сорок семь. Дождь. Как вчера. Как позавчера. Как каждый день этого ноября. Интересно, когда он перестанет идти? Может быть, когда я перестану ждать? Но я не умею не ждать. Это единственное, чему я научился за эти два года... Оксана всегда говорила: «Андрей, ты умеешь ждать, как никто другой». Я ждал, когда она выйдет из роддома с Алисой. Я ждал, когда закончится обстрел. Я жду до сих пор. Только теперь я знаю: она не выйдет. Она

не вернётся. А я всё ещё жду. Потому что, если я перестану ждать, я перестану быть собой, человеком».

Он медленно садится на матрасе – спина болит от сырости, суставы ноют. Он смотрит на телефон на полу – экран чёрный, ни одного сообщения. Он стирает историю звонков – привычка, чтобы видеть последний вызов к жене. Этот номер уже не существует. Но он всё равно стирает все что было до, каждое утро, как будто это может стереть память.

Воспоминание накрыло быстро как та проклятая ракета: «Тогда тоже был ноябрь. Не в Берлине – в Мариуполе. Дождь был таким же – мелким, противным, колючим. Я шёл за продуктами, и вода стекала по моему лицу, смешиваясь с потом. Оксана крикнула мне из окна: «Возьми зонт!» Я не взял. Я люблю дождь. Она смеялась: «Ты единственный архитектор, который строит дома под дождём». Алиса высунула голову и крикнула: «Папа, я нарисую тебя с зонтиком!» Я улыбнулся им. И ушёл. Через час их не стало. Дождь тогда шёл два дня подряд. Как будто небо плакало за них, за всех нас».

Он встаёт, чувствуя, как холодный пол высасывает тепло из ступней. Идёт в общую кухню – коридор пахнет сыростью и дешёвым стиральным порошком. На кухне никого нет, но на столе – записка от соседа-сирийца: «Кофе в банке. Не умирай, держись брат». Андрей усмехается – он не зна-

ет имени этого человека, но они делят чайник и пачку печенья, как будто это, само собой разумеется. Он заваривает пакетик, не глядя на этикетку – вкус один и тот же: горький, обжигающий, настоящий. Он стоит у окна, глядя на мокрые крыши, на дым, который поднимается из труб и тут же растворяется в тумане. В такие моменты ему кажется, что весь мир – это одна большая черно-белая фотография, напечатанная на серой бумаге.

Он выходит в коридор, и сталкивается с турчанкой-соседкой – она несёт мусорный пакет, шарф намотан до самых глаз, так что видны только усталые глаза и седые пряди волос, выбившиеся из-под платка.

— Доброе утро, господин Андрей, — говорит она, и голос её звучит как тёплый чай в холодный день. — Вы опять не спали. Дождь снова вас мучает?

— Дождь не мучает, — отвечает он, и его голос хрипит. — Он просто... напоминает. Я не сплю, потому что боюсь увидеть во сне тот дом, тот день.

Она кивает – она знает. Она тоже из тех, кто носит в себе войну. Её сын в Гамбурге, её муж погиб в Сирии, её дом стал воспоминанием. Она понимает его без слов.

— У меня есть свежий круассан, — говорит она, вытаскивая из кармана пальто бумажный пакетик. — Хотите?

— Нет денег, — отвечает он, даже не думая врать.

— Я вам его дарю, — она протягивает круассан, и он берёт его, чувствуя тепло через бумагу. — Вы похожи на моего сына. Он сейчас в Гамбурге, тоже не спит. Всё ждёт, пока война кончится.

— Она не кончится, — говорит Андрей. — Она просто переедет в другое место. Как дождь.

— Тогда пусть он хотя бы ест круассаны, — говорит она с улыбкой, которая не касается глаз. — Возьмите. А если война переедет, мы будем есть круассаны и вспоминать, что мы выжили.

Андрей прячет круассан в карман – он съест его через час, на работе, запивая водой из-под крана. Он благодарит её кивком и выходит на улицу.

Снаружи – ещё один ноябрьский день. Ветер срывает с деревьев последние листья, и они кружат в лужах, как маленькие лодки. Андрей идёт к киоску – его пальто промокает за минуту, но он не чувствует холода. Он привык. Вода стекает

по его лицу, и он чувствует себя почти живым.

У киоска, под навесом, стоит продавщица – все та же молодая турчанка, которая каждый день видит его мокрым и без зонта. Сегодня она кутается в клетчатый плед, а рядом стоит стаканчик с кофе – его, Андрея, она уже приготовила.

— Опять без зонтика? — спрашивает она, протягивая ему стаканчик.

— Я люблю дождь, — отвечает он, беря кофе. — Он не врёт.

Она смотрит на него с лёгкой усмешкой.

— Странный вы. Все говорят, что дождь нагоняет тоску.

— Тоска не от дождя, — говорит он, делая глоток – кофе горький, с корицей, которую она добавила сегодня. — Тоска от того, что дождь идёт, а ты не знаешь, зачем ты его ждёшь.

Она молчит, потом кивает, как будто понимает что-то важное.

— Сегодня я добавила корицу, — говорит она. — Бесплатно. Мне кажется, вы не пробовали сладкого уже год.

— Зачем?

— Потому что вы улыбнулись, когда взяли кофе. Правда, криво. Но это была улыбка. Я хочу, чтобы вы помнили, что такое сладкое.

Андрей смотрит на неё, и на мгновение ему кажется, что в этом сером мире есть ещё что-то тёплое. Он улыбается – и на этот раз улыбка получается почти настоящей.

— Спасибо, — говорит он. — Я запомню этот кофе.

Она пожимает плечами и возвращается к своим делам. Андрей идёт дальше – на работу, в музей. Он сжимает тёплый стаканчик и чувствует, как кофе разливается по венам, как маленькое солнце в его груди. За его спиной – ноябрьский Берлин, серый, мокрый, бесконечный. Впереди – ещё один день пустоты. Но сегодня он держит в руках круассан, кофе с корицей и чью-то заботу. И ему кажется, что дождь стал чуть тише.

Мысль пришла сама собой: «Я иду по этому городу, и я знаю, что он никогда не станет моим домом. Но сегодня я встретил двух женщин, которые дали мне тепло – просто так, без условий. И я вспомнил, что такое быть просто челове-

ком. Я вспомнил, что даже в ноябре, когда кажется, что солнца больше нет, можно найти что-то тёплое. Может быть, это и есть надежда? Не яркая, не слепящая, а вот такая – как круассан в кармане. Маленькая, хрупкая, но настоящая».

Глава 2

Глава 2. Бар «У Розы», вечер, Берлин

Бар «У Розы» располагался в полуподвале старого здания – туда нужно было спускаться по скрипучим ступеням, мимо облупившейся штукатурки и старой вывески, на которой когда-то красовалась роза, а теперь остался только бледный контур. Внутри было тесно, но это была та особенная теснота, которая не давит, а укрывает – как старая шерстяная куртка, которая уже потеряла форму, но всё ещё греет. Стены были увешаны фотографиями в деревянных рамках: солдаты Первой мировой, актёры немого кино, вокзалы, заснеженные платформы, разрушенные мосты. Каждая фотография дышала временем – и тем особенным запахом старой бумаги, которая впитывает в себя годы и поколения.

Пахло здесь кислым пивом, табаком, мокрой шерстью и – едва уловимо – жжёным сахаром, который Гюнтер иногда добавлял в свой секретный кофе. Свет был приглушённым: несколько лампочек под оранжевыми абажурами, и свечи на каждом столике – Гюнтер зажигал их, когда дождь за окнами становился особенно унылым. Сегодня дождь лил как из ведра – он хлестал по тротуару, заливал ступени, и казалось, что весь город превратился в одну огромную лужу, в которой тонут последние огни.

Андрей сидел за своим обычным столиком у стены – тем,

откуда видно вход и весь зал. Он знал это место наизусть: трещину в стене слева, старый плакат с Розой Люксембург, который Гюнтер так и не снял, засаленный угол скатерти, на который он всегда клал локоть. Он заказал пол-литра пива – не потому, что хотел пить, а чтобы было чем занять руки. Пальцы дрожали – он не знал, от холода или от той внутренней дрожи, которая стала его постоянной спутницей.

Мысль встревожила Андрея: «Я прихожу сюда каждый вечер. Не потому, что мне здесь хорошо – потому что здесь я могу сидеть и не притворяться. Гюнтер не задаёт вопросов. Он просто наливает пиво, ставит передо мной и уходит. Он знает, что иногда человеку нужно просто быть – без слов, без объяснений. Здесь я могу смотреть на этот дождь за окнами и думать о том, что где-то там, за горизонтом, идёт другая война. И в этой войне осталась – моя семья. Моя жизнь. Всё, что у меня было. А здесь – только я и этот стакан. И тишина, которая становится громче с каждым днём».

Дождь барабанил по стеклу, и Андрей следил за каплями, которые стекали вниз, размывая очертания улицы. Он почти не замечал, как входят люди – они были тенями, проходящими мимо его столика. Но когда вошли местные волонтеры, он поднял голову. Четверо, шумные, мокрые, с рюкзаками, заляпанными грязью. Они смеялись – громко, почти вызывающе, как люди, которые не боятся ничего, потому что уже потеряли всё. Среди них была она.

Лена вошла следом – тихо, почти незаметно. Она была

мокрой, как и все, но её мокрота была другой – не от дождя, а от того, что она стояла под ним дольше, чем нужно. Волосы слиплись, прилипли к щекам, и она откинула их назад – и в этом жесте было что-то отчаянное, почти дикое. Она села за соседний столик – не с волонтерами, а чуть поодаль, как будто хотела быть среди людей, но не с ними. Она заказала коньяк. Гюнтер подал ей – и она взяла стакан обеими руками, как будто грелась.

Мысль Лены: «Я вошла в этот бар, и мне показалось, что я попала в другую эпоху. Здесь всё другое – не как там, где я была. Здесь пахнет старым деревом и безопасностью. Но я не чувствую себя в безопасности. Я чувствую, что кто-то смотрит на меня. И когда я поворачиваю голову, я вижу его – мужчину у стены. Он смотрит не так, как другие. В его взгляде нет любопытства – есть что-то другое. Узнавание? Я не знаю. Но я чувствую, как мои руки начинают дрожать. Надеюсь, что нет. Я отворачиваюсь, делаю глоток коньяка, и он обжигает горло. И мне кажется, что этот обжигающий вкус – единственное, что сейчас реально».

Андрей заметил, как она говорит по-русски с кем-то из волонтеров – тихо, почти шёпотом. И голос её был не как у других – в нём была та особенная хрипотца, которая бывает у людей, которые долго плакали или долго молчали. Она поправила волосы – и тогда он увидел шрам на её запястье. Длинный, белый, в три сантиметра – он пересекал вену, как трещина на старой вазе. Он смотрел слишком долго. Она по-

чувствовала его взгляд и повернулась.

— Вы всегда так смотрите на людей? — спросила она, и в голосе её не было злости – только усталость. — Или только на тех, кто выглядит так же потерянно, как вы?

Мысль Андрея: «Она говорит это, и я чувствую, как в груди что-то обрывается. Она видит меня насквозь. Она знает, что я потерян, хотя я не сказал ни слова. Я хочу отвести взгляд, но не могу. В её глазах – та же пустота, что и в моих. Но в ней есть что-то ещё – огонёк, который не погас. Я смотрю на её шрам, и я спрашиваю себя: что сделало её такой? Что заставило её перерезать вены? И я боюсь узнать ответ, потому что он может быть слишком похож на мой».

— Извините, — сказал он, и голос его дрогнул. — Я не хотел. Просто шрам.

Она опустила глаза на своё запястье, потом снова подняла на него взгляд – и в нём мелькнуло что-то похожее на понимание.

— Шрам? Ах этот. Стекло. Я упала на витрину, когда была маленькой. А что, у вас тоже есть?

— Есть, — ответил он. — Только не на руке.

— Где же?

— Там, где его не видно.

Мысль Лены: «Он говорит «там, где его не видно», и я чувствую, как внутри меня что-то сжимается. Я знаю этот ответ. Я сама так отвечала, когда меня спрашивали о шраме. Это значит – «я ношу в себе боль, которую нельзя показать».

Он – такой же, как я. И это одновременно успокаивает и пугает. Потому что, если он такой же, он может узнать меня. А если он узнает меня, он увидит то, что я прячу. И тогда всё рухнет».

Она подняла рюмку, посмотрела ему прямо в глаза – и в этом взгляде была такая глубина, что у него перехватило дыхание.

— Значит, мы квиты, — сказала она. — У меня есть шрам на запястье, у вас – в душе. Давайте выпьем за невидимые раны.

— Я пью пиво, — ответил он.

— Тогда я выпью за вас коньяк. Пусть он согреет ваш невидимый шрам.

Она поднесла рюмку к губам, сделала глоток и прикрыла глаза. Андрей смотрел на неё и чувствовал, как между ними возникает что-то – невидимая нить, которая натягивается, но не рвётся. Он хотел сказать ей что-то – спросить её имя, спросить, откуда она, но слова застревали в гортани.

Мысль Андрея: «Я сижу и смотрю на неё, и мне кажется, что я вижу ту, кто может понять меня без слов. Она пьёт коньяк, и я вижу, как капли дождя стекают по её волосам. Я хочу спросить её, кто она. Я хочу узнать, что она видела, что она потеряла, что она ищет. Но я боюсь. Боюсь, что, если я спрошу, она расскажет мне правду. А правда может быть тяжелее, чем моя собственная. Я молчу. Я просто сижу и смотрю, как дождь за окном смывает очертания города. И в этом

молчании есть что-то почти святое».

Гюнтер за стойкой наблюдал за ними – он натирал рюмку одной рукой, а другой держал бутылку, готовый налить. Он видел эту сцену тысячи раз – двое людей, которые не знают друг друга, но уже не могут отвести глаз. Он ухмыльнулся в усы, качнул головой и прошептал что-то по-немецки – возможно, молитву, возможно, проклятие.

Когда Лена ушла в туалет, Гюнтер подошёл к столику Андрея, поставил перед ним новую кружку пива.

— Ты заметил, она не носит обручальное кольцо, — сказал он, как бы между прочим.

— Я заметил, что она русская, — ответил Андрей, не поднимая глаз.

— А ты украинец. Это не имеет значения, мальчик. Имеет значение только то, что вы оба смотрите в одну сторону – в прошлое.

— Я не смотрю в прошлое. Я в нём живу.

— Тогда переезжай в настоящее. Хотя бы на одну ночь.

Андрей поднял голову и посмотрел на Гюнтера. В глазах бармена была та особая мудрость, которая бывает только у людей, переживших много войн и много потерь.

— Она не просто русская, — сказал Гюнтер тихо. — Она та, у кого внутри война. Я вижу это по её глазам – она борется с тем, что носит в себе. И ты борешься с тем же. Вы похожи, как две трещины на одном стекле. Не дайте этому стеклу разбиться.

Мысль пришла внезапно Андрея: «Гюнтер говорит «не дайте этому стеклу разбиться», и я чувствую, как его слова оседают во мне, как осадок на дне бокала. Он прав – мы похожи. У неё внутри война, у меня – тоже. Но я боюсь, что если я подойду к ней, если я позволю себе почувствовать что-то, я разобьюсь окончательно. Я уже разбился однажды. Я не знаю, смогу ли я собраться снова».

Он допил пиво и заказал еще. Лена вернулась из туалета – и на мгновение их взгляды пересеклись. Она улыбнулась – чуть заметно, как будто из вежливости, но в этой улыбке было что-то тёплое. Андрей почувствовал, как его сердце сжалось – и от этого он испугался. Потому что сердце не должно было биться. Оно было мёртвым уже два года.

Они больше не говорили в тот вечер. Но когда Лена уходила с волонтерами, она обернулась – и посмотрела на него так, будто хотела запомнить его лицо. Андрей смотрел, как она выходит, как дождь встречает её на улице, как она поднимает воротник и уходит в темноту. И в этот момент он понял: что-то изменилось. Он больше не был просто тенью. Он был человеком, который только что увидел свет в конце тоннеля – и не знал, хочет ли идти к нему или боится, что это будет обман.

Мысль повисла тяжелой ношей: «Она ушла. А я остался сидеть за этим столиком, глядя на пустой вход. Гюнтер что-то говорит, но я не слышу его – я слышу только шум дождя и стук собственного сердца. Я хочу забыть её. Я хочу вернуть-

ся в ту пустоту, где ничего не чувствуешь. Но я знаю, что уже не смогу. Потому что, когда она посмотрела на меня, я увидел в её глазах не просто женщину. Я увидел себя – такого же потерянного, такого же разбитого. И я понял, что, если я не попытаюсь, я буду жалеть об этом до самой смерти. А смерть – это то, чего я больше всего боюсь. Не своей, а той, которая наступает, когда перестаёшь чувствовать».

Гюнтер подошёл, убрал пустую кружку, положил руку на плечо Андрея.

— Иди домой, мальчик, — сказал он. — Дождь не кончится сегодня. Но завтра может быть солнце.

Андрей медленно поднялся, надел пальто и вышел в дождь – но теперь он не чувствовал холода. Он чувствовал только её взгляд, который всё ещё горел на его коже, как след от огня.

Глава 3

Глава 3. Флешбэк: Мариуполь, два года назад

Андрей лежит под обломками. Тяжесть плиты давит не на грудь — на сам звук. Он слышит, как его собственное сердце бьётся где-то в ушах, глухо и медленно. Рядом, в миллиметре от лица — обгоревший плюшевый заяц. Андрей видит его глаз-пуговицу, оплавившуюся с одной стороны. Запах наваливается волнами: сначала сладкая горечь гари, которая лезет в горло, потом резкий, химический привкус горелого пластика (это от детской расчёски, которую он не заметил под рукой), а снизу, от бетонной крошки, тянет сыростью подвала. И поверх всего — металлическая, ржавая нота крови. Его собственной. Он чувствует её на губах, когда хочет позвать.

Он так и не успел. Взрыв накрыл его на лестнице.

Где-то вдалеке, словно через толщу воды, пробивается детский плач. Он то затихает, то снова взрывается, оставляя после себя липкую, ватную тишину.

Внутренний голос: «Я слышу Алису. Она плачет. Значит, она жива. Значит, у неё есть голос. Я должен ползти. Я должен...»

Он пытается пошевелиться. Тело — одна сплошная боль, но она странная: не острая, а текучая, как расплавленный свинец, который заливают мышцы. Ноги он не чувствует во-

все — они будто остались где-то там, в другом времени.

Андрей поворачивает голову. Впереди, сквозь разлом в стене, сочится свет. Не утренний, не солнечный — какой-то белый, беспощадный, как свет в операционной. Он тянется к этому свету, раздирая руки о торчащую арматуру.

— Оксана! Алиса! — кричит он. Но звук оседает в пыли, как мокрый мешок.

Тишина. Только ветер завывает в пустотах. И где-то очень высоко, не касаясь земли, начинается дождь. Сначала он стучит по пыли, превращая её в серую грязь. Он начался через час после обстрела. Андрею тогда показалось, что небо, наконец, заплакало за всех. Заплакало, потому что люди разучились.

Кадр переливается. Свет гаснет, и на его месте проступают другие краски. Белые. Чистые.

Воспоминание того утра.

Квартира пахнет кофе и яблоками. Обои в коридоре исчерканы разноцветными фломастерами — Алиса рисовала цветы, такие огромные, что они не помещались на бумаге, и Оксана махнула рукой: «Пусть рисует, это её мир, мы просто в нём живём».

Андрей видит у неё за спиной полоску света из окна. В этом свете кружатся пылинки — золотые, живые. Оксана улыбается ему, но глаза у неё синие и очень усталые. Она ждала его двое суток. На столе — свежий хлеб, который он

вчера принёс, и он всё ещё пахнет теплом пекарни. Этот запах смешивается с запахом её волос, когда она наклоняется к нему.

— Ты сегодня вернёшься рано? — спрашивает она. Голос низкий, с хрипотцой. Она курит, когда нервничает, хотя бросила.

— Надо за продуктами сходить. И за водой. Там уже выстроилась очередь на полквартала.

— Возьми зайца, — раздаётся писк из соседней комнаты. Алиса вбегает. На ней синее платье и одна туфелька с бантиком, вторую она потеряла где-то под кроватью. Она протягивает ему игрушку, и Андрей чувствует, что плюш ещё хранит тепло её маленьких ладошек.

— Папа, он будет тебя охранять, — говорит дочь, и в её голосе такая серьёзность, что у Андрея сжимается сердце.

Он сжимает зайца. Проводит пальцами по его уху, где уже начинает вылезать вата. Кладёт его в прихожей, на тумбочку, рядом с ключами.

— Пусть охраняет вас! — говорит он, глядя на них обеих — на Оксану с таким знакомым до боли прищуром любимых глаз, и на Алису с её каракулями.

Целует дочь в макушку. Она пахнет детским шампунем — «Карапуз», сладкая химия, смешанная с чистым запахом ребёнка. «Я скоро», — шепчет он. И закрывает за собой дверь. Потом он спешил домой с продуктами. Но так и не успел. Вспышка белого цвета. Взрыв чудовищной силы потряс

старое строение до основания и тишина. Все.

Дома нет.

На его месте — гора. Стекло, бетон, дым, искореженная арматура, похожая на рёбра гигантского зверя. Он слышит, как что-то капает — вода из прорванной трубы, смешанная с копотью, стекает по обломкам, рисуя чёрные вены.

Стоя на корточках и корчась от боли. Он разгребает это руками. Ногти обламываются, кровь смешивается с пылью, превращаясь в тёмную, липкую грязь. Он зовёт их, надрывая горло: «Оксана! Алиса!» — но голос становится чужим, сиплым, он срывается до шёпота.

Он находит зайца. Тот лежит под куском шифера. Он обгорел наполовину: одно ухо — чёрная головешка, вторая пуговица — глаз — оплавилась, став похожей на слезу. Но Андрей узнаёт его. Он прижимает зайца к груди, чувствуя запах гари, который никогда не выветрится.

Он находит Алисину тувельку. Маленькую, синюю, с бантиком. Бантик ещё держится, чистый, нетронутый. Андрей поднимает её, и в ней ещё остается тепло земли.

Их самих он не находит. Никогда не найдёт.

Возврат в реальность. Кадр рвётся снова, но наоборот.

Звук зала, шум голосов врывается в уши, как гул морского прибора. Андрей моргает. Он сидит в баре «У Розы». Пальцы сжимают стакан так, что стекло, кажется, вот-вот треснет. Костяшки побелели, на них — старая, зажившая корка от

ОЖОГОВ.

Он чувствует запах. Только что там, в прошлом, пахло гарью и яблоками. Здесь — пахнет дешёвым виски и потом. Но этот запах не вытесняет тот, он наслаивается на него, делая дыхание тяжёлым.

Гюнтер подходит сзади. Тяжёлая ладонь ложится на плечо, и Андрей вздрагивает — не от испуга, а от перепада температуры. Рука Гюнтера горячая, живая, а он сам всё ещё там, под дождём, роется в обломках.

— Ты опять там, мальчик? — голос Гюнтера глухой, как звук в пустом ведре.

Андрей молча кивает. В горле пересохло. Он делает глоток, но виски кажется ему пылью. Той которую уже не выкашлять сколько не старайся.

— Иди домой. Спать, — советует Гюнтер.

— Не могу. — Андрей смотрит в точку перед собой, не видя стойки. — Там — та же пустота. Там стены помнят их голоса. Здесь... здесь хоть шум. Здесь я могу забыть, что я...

Мысль Андрея: «...что я — та самая развалина. Обгоревший заяц и миллиард тех осколков. Но когда я посмотрел на неё, на эту Лену, я не увидел развалины. Я увидел окно. Свет. Тот самый, что пробивался сквозь разрыв в стене. И я смертельно боюсь подойти к этому окну. Потому что каждое окно, в которое я смотрел, в конце концов разбивалось. И это даже не боль. Это — перелив. Когда руины одного дома перетекают в тишину другого, а ты просто сидишь и дер-

жишь в руках стакан, чтобы не упасть».

Он ставит стакан на стол. Круглый след от дна расплывается на деревянной поверхности, как маленькая, мутная лужа.

Глава 4

Глава 4. Ночь в музее

Музей истории ГДР – это не просто здание. Это мавзолей ушедшей эпохи, бетонный ковчег, застрявший между прошлым и настоящим. Высокие, под три метра, потолки с облупившейся лепниной, когда-то белоснежной, а теперь серой, как берлинское небо. Полы выложены метлахской плиткой, местами потрескавшейся, местами – начищенной до тусклого блеска ногами сотен экскурсантов, которых здесь не было уже лет десять.

Вдоль стен тянутся витрины из толстого, пуленепробиваемого стекла – за ними застыла целая цивилизация: форма народной полиции, выцветшая до мышиного цвета; знамёна с вышитыми серпом и молотом, чей красный шёлк полинял до кирпичного; старые телевизоры «Рубин» с круглыми экранами, напоминающие иллюминаторы подводной лодки. Тут же – пионерские горны, деревянные игрушечные автоматы, портреты Эриха Хонеккера с пожелтевшими от времени уголками. В углу – чёрный телефонный аппарат с дисковым набором, словно он всё ещё ждёт звонка из прошлого.

Пахнет здесь сыростью, старой бумагой, мастикой для паркета и чем-то сладковато-горьким – возможно, тлением, возможно, просто временем, которое остановилось. В центре зала – огромная модель Берлина, сделанная из гипса и

пластика, с крошечными домами, деревьями и даже микроскопическими фигурками людей. Многие домики сломаны, улицы покрыты трещинами, как карта разбитой судьбы.

Андрей любит этот музей. Здесь всё мертво, как он сам. Никто не торопится, не кричит, не плачет. Есть только тишина – и дождь, барабанивший по огромным окнам с толстыми решётками. Стеклянные витрины отражают его фигуру, когда он проходит мимо с фонариком – и ему кажется, что он идёт сквозь строй собственных призраков. В этом музее он не сторож, а часть экспозиции. Ещё один экспонат, ожидающий, когда его рассмотрят.

Мысль Андрея: «Я прихожу сюда каждый вечер, когда город засыпает. Я проверяю замки, смотрю, не просочилась ли вода через крышу, не осыпалась ли штукатурка. Но на самом деле я прихожу сюда, чтобы побыть среди вещей, которым уже не больно. Они не страдают, не ждут, не любят. И мне с ними спокойно. Иногда я останавливаюсь у витрины с детскими игрушками – там есть плюшевый мишка с оторванным ухом. Он похож на моего зайца. Я смотрю на него, и мне кажется, что я слышу голос Алисы. Она говорит: «Папа, не грусти. Я здесь, в этих игрушках». Я знаю, что это не так. Но я всё равно стою и смотрю. Потому что, если я перестану смотреть, я потеряю её окончательно».

Он медленно идёт по коридору – каждый шаг отдаётся эхом в пустом зале. Фонарик выхватывает из темноты то лицо на портрете, то край знамени, то пустую витрину, которую

кто-то разбил ещё до него. Дождь за окнами усиливается – он стучит по стеклу, как сотни пальцев, просящихся внутрь. Андрей останавливается у модели Берлина, смотрит на крошечные домики, и ему кажется, что он видит свой собственный – тот, которого нет. Он протягивает руку, касается гипсовой крыши, и она крошится под его пальцами.

Внутренний голос: «Я мог бы уйти отсюда. Найти другую работу, другую жизнь. Но я остаюсь, потому что здесь я не должен притворяться. Здесь я могу быть тем, кто я есть – развалиной. И никто не спросит меня, почему я не строю теперь новые дома. Почему я не пытаюсь жить дальше. Потому что здесь, среди этих руин, никто не ждёт, что я буду целым».

Он поворачивается, чтобы идти дальше, – и в этот момент слышит звон разбитого стекла. Резкий, пронзительный, как выстрел. Андрей замирает – сердце на мгновение останавливается. Он привык к тишине, к её надёжной пустоте. И этот звук – живой, опасный – вырывает его из привычного оцепенения. Он идёт на звук, шаги становятся быстрее – фонарик дрожит в его руке, выхватывая из темноты то статую, то колонну, то разбитую витрину, которую он уже знает.

Он находит её у заднего окна. Лена сидит на полу, опираясь на разбитую раму. Осколки стекла разлетелись по плитке, сверкают в свете фонаря, как россыпь алмазов. На плече – свежая рана, тонкая красная полоса, из которой сочится кровь. Она дрожит, вся мокрая, волосы прилипли к щекам, дыхание прерывистое – она бежала, она задыхается от стра-

ха. И в глазах её – тот же самый страх, который Андрей запомнил у себя в зеркале два года назад.

Мысль Андрея: «Я стою над ней, и в первое мгновение я хочу крикнуть: «Ты что наделала?» Но я молчу. Я смотрю на её глаза – в них та же пустота, что и в моих. Она не просто разбила стекло. Она разбила стену. Она ворвалась в мою мёртвую тишину, как ветер в закрытую комнату. И я не могу выгнать её. Потому что, когда я смотрю на неё, я вижу себя – такого же потерянного, такого же разбитого. Я должен помочь ей. Даже если это разрушит весь порядок, который я так долго строил».

Он опускается на колени рядом с ней – медленно, чтобы не испугать.

— Тихо, — говорит он, и голос его звучит ровнее, чем он ожидал. — Я не вызову полицию. Только объясни, что случилось.

Она поднимает на него глаза – в них страх, но уже не тот дикий, животный ужас, а что-то более осознанное. Она узнаёт его – и на мгновение её плечи расслабляются.

— За мной следили, — говорит она, и голос её срывается на шёпот. — Я бежала, не знала, куда. Увидела свет – и сюда. Я не знала, что здесь кто-то есть. Прости, я разбила стекло

— Неважно, — отвечает он. — Стекло можно заменить. Ты ранена?

Она качает головой, но потом вздрагивает, касаясь плеча – пальцы становятся красными.

— Немного. Царапина. Я не заметила, когда лезла.

Мысль Лены: «Я сижу на этом холодном полу, и я чувствую, как кровь смешивается с дождём на моей коже. Он смотрит на меня не как на врага, не как на беженку – он смотрит как на человека. Я не знаю, кто он. Но в его глазах есть что-то, что я искала всю жизнь – покой. Не равнодушие, а настоящий покой. Как будто он уже пережил всё, что можно пережить, и остался здесь, чтобы просто быть. Я хочу сказать ему правду – о том, кто я, что я сделала, от чего я бежала. Но я не могу. Я боюсь, что, когда он узнает, он перестанет так смотреть».

— Сядь, — говорит он. — У меня есть аптечка.

Он достаёт старую металлическую коробку из-под сигарет, где хранит бинт, йод, пластырь. Опускается перед ней на колени, открывает коробку – внутри всё аккуратно, по-солдатски. Вата, марля, зелёнка. Всё, что нужно для войны.

— Дай плечо, — говорит он. — Я зашью, если надо. Но сначала продезинфицируем.

Она поворачивается – и он видит, как она вздрагивает от прикосновения ваты к коже.

— Ты умеешь это делать? — спрашивает она, стараясь говорить спокойно.

— Я архитектор, — отвечает он, не глядя на неё. — Но на войне научился всему. Даже зашивать раны.

Мысль Андрея: «Я говорю это, и я слышу, как дрожит мой голос. Я не должен был говорить «на войне». Это открывает

дверь в мою комнату, которую я держу закрытой. Но с ней почему-то легко говорить правду. Может быть, потому что она тоже носит в себе такую же войну – я вижу это по её глазам. Она не спрашивает, где я был, что я видел. Она просто сидит и позволяет мне заботиться о ней. И это странное чувство – быть кому-то нужным – почти забытое, но всё ещё живое».

Лена морщится, когда он касается раны, но не стонет – она кусает губу, и он видит, как напрягаются её челюсти. Он аккуратно, почти невесомо, обрабатывает царапину, накладывает повязку – ровно, без складок.

— Закончил, — говорит он. — Теперь будет болеть, но заживёт. Ты сильная, если не кричала.

— Я научилась не кричать, — отвечает она тихо. — Когда живёшь с чувством вины, кричать нельзя. Иначе весь мир узнает, кто ты на самом деле.

Он поднимает на неё глаза – в них снова тот странный страх, который был вначале, но теперь он смешан с чем-то другим: тоской, сожалением, почти надеждой.

— Меня зовут Лена, — говорит она, протягивая руку. Рука дрожит.

— Андрей, — отвечает он, сжимая её ладонь. Она холодная, мокрая, но в этом прикосновении есть что-то тёплое – как первый луч после долгой зимы.

— Андрей — повторяет она, пробуя имя на вкус. — У тебя есть семья здесь?

Он долго молчит. Смотрит на неё, на её лицо, на которое падает свет фонаря, и чувствует, как внутри что-то сжимается.

— Был дом, — говорит он. — Теперь есть музей.

Мысль Андрея: «Я говорю это, и я чувствую, как слова выходят из меня, как воздух из пробитой шины. «Был дом». Два слова, которые я повторяю каждый день, чтобы не забыть, что когда-то у меня была жизнь. Она не спрашивает, что случилось. Она просто смотрит на меня, и я вижу, что она понимает. Она тоже потеряла дом – не тот, из кирпичей, а тот, из надежд».

— У меня тоже нет дома, — говорит она. — Я живу в гостинице. Там беспокойно. Я постоянно просыпаюсь от каждого шороха. Думаю, что за мной пришли.

— За тобой пришли? Кто?

Она отводит взгляд.

— Я не знаю. Может, полиция. Может, свои. В этом городе никто не знает, кто есть кто. А я я не хочу, чтобы меня нашли.

— Здесь будет спокойнее, — говорит он, и слова вылетают прежде, чем он успевает их обдумать. — Я покажу тебе место, где можно спрятаться.

Мысль Лены: «Он говорит «здесь будет спокойнее», и я верю ему. Я не знаю почему – может быть, потому что у него глаза человека, который уже перестал бояться. Или потому, что он просто говорит это так, будто это единственная прав-

да, которую он знает. Я хочу сказать ему: «Я дочь убийцы, я не заслуживаю твоего убежища». Но я молчу. Потому что, если я скажу это, он выгонит меня. А я не хочу уходить. Я хочу быть здесь.».

Он помогает ей подняться – поддерживает за локоть, и она чувствует тепло его руки сквозь мокрую ткань. Он ведёт её через главный зал – мимо витрин, мимо знамён, мимо модели разрушенного Берлина. Они проходят мимо детской витрины, и Лена замечает плюшевого мишку с оторванным ухом. Она останавливается на мгновение, и Андрей чувствует, как её рука сжимает его локоть крепче.

Мысль Лены: «Я вижу этого мишку, и мне кажется, что он смотрит на меня так же, как смотрел бы мой отец, если бы узнал, что я здесь. Без осуждения. Без гнева. Просто смотрит, и ему всё равно, кто я. Я хочу взять его с собой, но я боюсь, что это будет слишком – проявить слабость перед этим незнакомцем. И я просто прохожу мимо».

Он ведёт её в дальний зал, за старые знамёна. Там, за пыльным красным полотнищем, есть ниша – когда-то здесь стоял бюст Маркса, но его вынесли, оставив лишь пустой пьедестал. Андрей поставил туда матрас, сложил одеяло, повесил фонарь. Пол здесь сухой, слышно, как дождь стучит по крыше, но само место защищено от сквозняков. Это их убежище – остров в море забытых вещей.

— Оставайся до утра, — говорит он. — Я никому не скажу.

Она смотрит на матрас, на одеяло, на фонарь – и слёзы подступают к глазам, но она не даёт им упасть.

— Почему ты мне помогаешь? — спрашивает она. — Ты даже не знаешь меня. Я могла бы быть кем угодно. Воровкой, шпионкой, убийцей.

Он смотрит на неё, и в его глазах появляется лёгкая, почти невесомая улыбка.

— Потому что я знаю, что такое быть одной в этом городе, — говорит он. — Потому что я знаю, что такое убежать от себя. И потому что, когда я смотрю на тебя, я не вижу убийцу. Я вижу просто женщину, которая разбила стекло, чтобы выжить.

Мысль Андрея : «Я говорю это, и я чувствую, как внутри меня что-то сдвигается – как будто ледяная глыба начинает таять. Я не знаю, кто она. Я не знаю, что она сделала. Но я знаю, что в этом музее, среди мёртвых вещей, я встретил что-то живое. И я не хочу, чтобы это живое исчезло, как всё остальное. Я оставляю её здесь, в этой нише, и ухожу. Но когда я поворачиваюсь, я чувствую её взгляд на своей спине. И мне кажется, что этот музей больше не будет мёртвым».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.